

РИТУАЛЬНО-ОБРЯДОВЫЕ ДЕЙСТВА ВО ВРЕМЯ ШАГАА

А. А. Конгу

Аннотация: Статья посвящена ритуально-обрядовым действиям во время Шагаа — встречи Нового года по восточному лунному календарю. Рассматриваются такие действия, как «арыгланыр» — очищение, «сан салыр» — возжигание ритуального костра, «чолукшуур» — особое приветствие в дни Шагаа, и правила преподнесения кадака — полосы шелковой ритуальной ткани и др.

Ключевые слова: тувинцы, Шагаа, обряды, традиции, ритуалы, тувинские традиции.

Шагаа является одним из самых значительных и любимых праздников тувинцев. Традиции его празднования своими корнями уходят в глубокую древность. Встреча нового года у всех народов мира, в том числе и тувинцев, связана с философской категорией времени и является промежутком, когда уже завершены сельскохозяйственные работы уходящего года и начинается подготовка к работам нового цикла (Календарные обычаи, 1989). Известный тувинский этнограф М. В. Монгуш пишет, что время наступления Нового года — особое, сакральное время, когда происходит разрыв между прошлым и будущим, сопровождающийся борьбой между добром и злом в их космическом значении. В то же время это — праздник, утверждающий великую «связь времен» жизни, человечества и Вселенной (Марина Монгуш ... , 2014: Электр. ресурс).

Глубокий смысл праздника заложен и в самом его названии — Шагаа, который тувинцами воспринимается как *Шагның чаазы* — «Начало [нового] времени», т. е. нового цикла, новой жизни и нового года по лунному календарю. Сакральное и духовно-нравственное содержание праздника имеют также все его элементы, включая и действия, такие как: во-

первых, предварительное очищение самих людей, жилища, территории; во-вторых, стараться как можно позже лечь спать; в-третьих, подношение лампы и лучших кусков пищи перед буддийским алтарем; в-четвертых, обряд *саң салыр* — «возжигание можжевельника»; в-пятых, приветствие — *чолукшуур* или *амырлажыр*; в-шестых, хождение в гости и взаимные угощения; в-седьмых, игры, сохраняющие свою актуальность до сегодняшних дней.

Первое очистительное действие, которое проводилось накануне, так и называлось — *будуу* — «канун» или *чапсар* — «перерыв», и воспринималось как то, что каждый человек и каждая семья должны основательно подготовиться, как внешне, начиная от очищения своего аала (квартиры, дома, двора), так и внутренне, очищая свои мысли, помыслы и устремления — *сагыш сеткил*. Эти действия тувинцы называют *кактаныр*, *арыгланыр*, т. е. «трясти», «очищать» всякую грязь, скверну, которые накопились за год. Войлочные ковры, кожаные вьючные мешки, постель, одежду, обувь выносили и трясли на снегу, все старое выбрасывали или сжигали (там же). Во время этих действий приговаривают, наподобие: «Өршээ Бурган, хай-багым арызын! Багай амытандан хир-чам үнзүн, өршээ!» (Пусть все плохое очищается! Пусть из меня, бедного живого существа, все плохое выходит!) и др. Не зазорным являлось и поваляться, покувыркаться на снегу, скатиться с горки на шкурке вместе с детьми. М. В. Монгуш указывает на то, что в этих предновогодних домашних хлопотах просматривается древнейший обряд изгнания нечисти и скверны из дома (там же).

Пожилые и старые люди в это время произносили благопожелания — *йөрээлдер*, молились, читали мантры, испрашивали благословения и благополучия не только своим родным и близким, но и всем живым существам. Считалось, что такие благопожелания, произнесенные с чистым помыслом, идущие от чистого сердца в эти особые дни умножаются в миллионы раз. Чем больше добра человек делает другим, оказывает помощь не только конкретными действиями, но и мыслями и своей речью, тем больше добра приходит к самому человеку и его семье.

К следующему действию относится традиция тувинцев в ночь наступления Шагаа как можно позже лечь спать, поскольку простые люди полагали, что Будда объезжает на своей колеснице землю и пересчитывает всех живых существ (производит своеобразную перепись). Если ему попадают спящие люди, то он посчитает их за мертвых, соответственно, они не получат благословения. Именно поэтому, в ночь на Шагаа желательно было не спать, хотя бы в промежутке между 3 ночи и 6 утра — ведь новый год

наступает не в полночь, а примерно в это время. В это время во всех аалах рассказывают сказки — тоолдар, играют в национальные игры и т. д.

Ранним утром во всех аалах и буддийских монастырях обязательно совершается следующее очень важное ритуальное действие — *чула кып-сыр* — «зажжение лампы» перед божествами буддийского пантеона. Это было испрашиванием у них благополучия, благословения, мольба, просьба очистить от всех негативов в наступающем году. Женщины варили сүттүг шай — чай с молоком, готовили обильное угощение, состоящее из блюд национальной кухни — молочную пищу — ак чем, называемую белой, а также растительную и мясную пищу. Важно было, чтобы праздничный стол ломился от вкусной еды. Женщина, как хранительница домашнего очага шай үстүн или шай бажын — самую первую и поэтому лучшую часть свежесваренного чая, брызгала с помощью тос карака — девятиглазки — ритуальной ложки с девятью углублениями, произнося благопожелания, наподобие:

Тос Дээрим, Долаан Бурганым, өршээ!
Аарыг-аржык, аш-чут, бак-ла чүве ыңай турзун!
Бай-ла Тайгам, өршээ!
Эки чүве эглип келзин!
Алдын Хүнүм, Айдың Айым, өршээ!
Хай-бачыт чайлап чорзун!
Аъш-чем, тараа арбын-на болзун!
Акы-дуңма, ажы-төл,
Аас-кежиктиг, аарыг-аржык чок-ла болзун, өршээ!

Девять моих Небес, Долаан Бурган, обращаюсь к вам,
Пусть не будет болезней,
Богатая моя Тайга,
Пусть не будет бедственных бурь,
Золотое мое Солнце, ясная моя Луна,
Пусть будет много ячменя и проса,
Пусть дети будут здоровыми!

Мужчины в это время готовили все необходимое для обряда *саң салыр* — возжигания артыша — можжевельника для ритуального огня. Отметим, что артыш, который кладут в огонь — особое растение. Его используют во многих ритуальных действиях тувинцев и оно наделено особыми свойствами, главное из которых — очищение. Об отношении к этому растению говорят и действия, совершаемые тувинцами перед тем, как срезать его стебли. Основным смыслом данных действий — *оран-таңдыдан дилеп алыры* — испрашивание разрешения у природы, тайги взять, срезать стебель артыша.

Артыш был у тувинцев главной составляющей ритуала «очищения огнем». Само окуривание проводилось следующим образом. Ветка можжевельника поджигалась, затем огонь тушили и окуривали дымом полагающийся объект — человека, животное и пр. Если человека, то полагалось трижды обнести дымящуюся веточку вокруг него. В результате человек, прошедший через очищение, был вполне уверен, что избавился от дурного воздействия и, как следствие, защищен от негативных последствий того или иного события.

Под обрядом *саң салыр* в целом понимается ритуальный костер, место установления которого предварительно тщательно очищается. Его, как правило, устанавливают на возвышенном, и по этой причине, по представлениям тувинцев, чистом месте. Дрова, которые берутся для костра, должны быть ровными и чистыми. В зависимости от местных традиций, складывают их по-разному: одни в виде четырехугольника, другие в форме пирамиды. А. К. Кужугет пишет, что «саң салыры» делали следующим образом: на сооруженной из снега небольшой горке устанавливали три больших камня и на них устраивали жертвенный костер. Древняя традиция тюрков — предков тувинцев требовала возводить саң салыры в стороне, где восходит солнце, т. е. на востоке (Кужугет, 1998: 46).

Процессию, состоящую из мужчин, возглавляет самый старший человек в данном сообществе (аале, семье и т. д.) или священнослужители — буддийские монахи.

На костер кладут артыш, затем чем үстүн или чем дээжизин — самую почетную и лакомую, в том числе, жирную часть принесенной еды. Все эти действия воспринимаются как подношение Божествам разного ранга, в том числе и хозяевам местности, а также как «угощение» самого огня. При этом обязательно произносят благопожелания, просят благополучия, к примеру, такое:

Чыл бажы келди,
Чылан бажы чылбырады!
Шаг бажы келди,
Шагаа үе келди!
Артыш-саңым кыпсып тур мен,
Ак сүдүм чажып тур мен!
Оран-таңдым, Бай-ла Тайгам,
Тос чүзүн байлак малым, өршээ, өршээ!
Мал-маган Чаа чылда арбын болзун, көвей болзун!
Ак сүт, аьш-чем элбек болзун, өршээ!
Үнүп орар хой чылда үүле-херек чогуп турзун,
Уткуп турар төрөл-чонга ууттунмас кежик келзин!
Артап болбас алдын өргөн
Аас-кежик, буянныг болзун!
Дээп болбас демир өргөн,
Делегей дег кежиктиг болзун!
Курай! Курай! Курай!

Голова года появилась,
Кожа спала с головы змеи.
Окуриваю дымом
И окропляю молоком.
Помилуй нас, тайга кедровая,
Помилуй скот мой девяти видов!
Пусть бегают козлята и ягнята,
Пусть будет изобилие молока.
Пусть в новом наступившем году удача будет,
Пусть весь мой народ в новом году будем благополучным!
Ушел за перевал Год Лошади,
Пришел в аал Год Козы!

На рядом растущем дереве повязывают ритуальные ленточки — чалама. А. К. Кужугет пишет, что чалама, как своеобразная форма индивидуального моления, были обязательны на всех обрядах без исключения. Такие чалама устраивали и у подножия горы, и у каждого жилища, они создавали особую праздничную атмосферу. Перед сан салыры также делали чалама — брали разрезанную белую бумагу и перевязывали ее попеременно с белой шерстью (там же: 46). Таким образом, происходило и очищение, и поднятие духовных сил — хей-аът — эфирного элемента у мужчин.

Следует также особо отметить, что издревле при совершении данного обряда существовал запрет женщинам принимать участие в нем, т. е. подниматься на возвышенность или вершину горы. Это исходило из ранних религиозно-этических представлений, что хозяевам гор не нравятся запахи женщин, главным образом, из-за менструальной крови. Как выяснили ученые-этнографы, это представление существовало у многих народов мира.

Однако, здесь не говорится о том, что женщине категорически запрещалось делать подношение божествам. В настоящее время, поскольку не всегда удается собраться всем сообществом, пожилая женщина или хозяйка во дворе своего дома, естественно, может это сделать. Так, А. К. Кужугет пишет, что во время отсутствия мужчин, женщины совершали свой новогодний обряд около своего жилища. Она откидывала наверх войлочный навес, заменявший дверь, выходила на улицу, на откинутый навес клала большой ком снега. В такой форме происходил обряд «очищения жилища». Затем она обходила три раза свой семейный жертвенник сан салыры, установленный недалеко от юрты, читала благопожелание, добавляя на жертвенник артыш, с помощью ритуальной ложки — тос карак окропляла землю молоком или чаем с молоком (там же: 49).

После того, как мужчины возвращались домой, происходило еще одно важное действие Шагаа — обряд «чолукшуур» — особое приветствие старших по возрасту людей, особенно пожилых и старых. Сам термин исходит от корня чол, чол-кежик — «дар, благо, счастье». Во время такого действия младший протягивает в почтительном поклоне старшему обе руки с раскрытыми ладонями вверх и старается дотронуться до его локтей. Старший же возлагает на них свои руки ладонями вниз, т. е. сверху. В этом жесте сокрыт глубоко сакральный смысл. В тувинском, как и во всем тюркском мире, возраст человека имеет особое значение. Пожилой, старый человек наделен огромным житейским опытом, мудростью и за всю свою накапливает заслуги — буян-кежик. Кроме того, это было также и

испрашиванием у них долголетия — узун назын. Дотрагиваясь к локтям старого человека, люди меньшего возраста получают сакральный доступ к их возрасту, заслугам, что в другое время у тувинцев не практиковалось. Это приветствие происходило один раз в году, однако «имело силу» в течение двух-трех недель, и люди, встретившиеся первый раз в новом году, непременно его использовали.

А. К. Кужугет отмечает, что если здоровались люди одного возраста, происходило своего рода соревнование, кто быстрее протянет руки ладонями вверх, стараясь показать свое уважение другому. Второй же старался опустить свои руки ниже первого, однако тоже ладонями вверх, это могло продолжаться до тех пор, пока кто-то из них касался земли или «сдавался» раньше. Этот обычай обозначал обещание младшего старшему поддержки в будущем, когда это будет необходимо (там же: 46). Хотим отметить, что обряд чолукшуур направлен именно на старших по возрасту людей — пожилых и старых, это почтение и уважение к их возрасту.

Аналогичный способ приветствия встречается и у других народов, в том числе, как пишет Н. Л. Жуковская, и у монголов под названием золгох (Жуковская, 1988: 53). Она также указывает, что у агинских бурят данный обряд дополняется еще одной деталью: младший подходил к старшему, держа на вытянутых руках хадак (тув. кадак), возлагал его на кисти протянутых рук старшего, тот возвращал его, перекладывал на кисть правой руки младшего, и лишь после этого оба совершали приветствие. Женщины получали не хадак, а просто платок, и при совершении обряда в отличие от мужчин они не снимали головные уборы, а манжеты их рукавов были спущены (там же).

Здесь следует остановиться на правилах подношения кадаков. Отметим, что кадак — полоса ткани, как правило, шелковой, один из буддийских символов. Он является особым символом уважения, чистого, дружеского и радушного отношения, бескорыстия дарящего.

В буддийской культуре кадак является универсальным даром, который может быть уважительно и с чистыми помыслами преподнесен по любому праздничному поводу в жизни человека, в семейной обрядности — ритуалах, связанных с важнейшими вехами жизненного пути человека (рождения ребенка, свадьбы, похорон и т. д.). Так, в Тибете хадак преподносят в виде поздравления по случаю праздника, для пожелания удачи, при встрече и проводах, в качестве награды, в виде подношения ламам и святым во время молебнов, по случаю окончания строительства дома.

Хадак преподносят людям, чьей помощью хотят заручиться. Известно, что Его Святейшество Далай-лама XIV Тензин Гьятцо — один из самых известных людей нашей планеты, духовный лидер Тибета, Монголии, Бурятии, Калмыкии и Тувы, лауреат Нобелевской премии, преподносит кадаки в качестве даров дипломатам, гостям или другим монахам, символизируя чистоту намерений и начало отношений.

Поскольку традиция подношения кадаков пришла в Туву из буддийских регионов (Индии, Тибета, Монголии), то с распространением буддизма, тувинцы также стали придерживаться этих правил. Так, их полагалось подносить священнослужителям — буддийским монахам, высокопоставленным лицам или людям старшего возраста. Однако существовали строгие каноны их принятия.

Кадак сгибают и преподносят лицевой стороной на раскрытых ладонях. Сгиб должен быть обращен к себе, а сложенная открытая часть тому, кому он подносится. Это означает чистоту и открытость помыслов подносящего.

Существуют и правила приема кадака. Так, буддийские ламы, как правило, в знак уважения к подносящему, возвращают его, возлагая кадак на его шею. Принявший его, через некоторое время снимает кадак с шеи, затем аккуратно убирает за пазуху своего тона. Полученные от монахов кадаки особо хранили, и относились к ним с большим почтением. Здесь также отметим, что служители культа — буддийские монахи могли и не возвращать кадак, сложив и оставив его у себя. В данном случае — это особое благословение ламы и хорошим знаком для подносящего, обозначающего, что он принят под покровительство священнослужителя. Светские люди, несмотря на их высокий статус, не имеют право возвращать кадак, они принимают их обеими руками и оставляют у себя. Следует сказать, что кадак никогда не вешают самому себе на шею, поскольку это знак уважения другого человека, а не самого себя.

Раньше Амбын-ноянам или таким высокопоставленным лицам, как Хайдып Угер-даа или Буян-Бадыргы подносили дорогие шелковые кадаки, которые привозились из Китая. В устном разговоре с нами С. Ч. Донгак сообщила, что раньше простые араты в знак уважения к старшему человеку (за неимением шелковых кадаков), могли поднести дадаазын — очень тонко выделанную козью кожу.

Среди народа особенно были популярны кадаки синего и белого цветов. Отметим, что восприятие цветов связано со цветовой символикой в

культуре тюрко-монгольских народов Центральной Азии. Так, белый кадак является символом всего благого, чистоты, доброты, сострадания (ак үүле, ак сагыш, ак сүт, ак чем и др.). Кадак синего цвета символизирует синее небо. Желтый кадак — символ плодородия, Матери-Земли, достатка, постоянства, тепла, жизни и самой веры, Учения Будды — сарыг шажын. Красный цвет кадака — символ домашнего очага. Зеленый кадак — символ роста и процветания, плодородия.

В первый день Шагаа все обычно ходили друг к другу в гости, приветствуя обрядом «чолукшуур». При этом старались что-либо подарить, желательно «... белое: молочные продукты, белый кадак, белый мех и т. д., так как у тувинцев очень почитается белый цвет, который в символике ряда тюрко-монгольских народов ассоциируется с представлением о счастье. Под счастьем тувинец чаще всего подразумевает изобилие скота и всего, что является производным от него: мяса, молока, шерсти, меха и т. д.» (Марина Монгуш ... , 2014: Электр. ресурс).

Заврешающим новогодним действием были различные игры на улице, включая катания с горок, кажыктаар, тевектээр и т. д.

Таким образом, Шагаа — это и празднование Нового года, и встреча весны, нового цикла, обновления, которое сопровождается особыми ритуально-обрядовыми действиями, призванными обеспечить счастье, благополучие, достаток в наступившем году.

Список литературы:

Жуковская, Н. Л. (1988) Категории и символика традиционной культуры монголов. М. : Наука.

Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл (1989). М. : Наука.

Кужугет, А. К. (1998) Шагаа // Круг знания. Научно-информационный журнал. Вып. I. Кызыл. С. 44–51.

Марина Монгуш: Овладевайте искусством жизни (2014) [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 30 января. URL: <http://www.tuva.asia/news/tuva/6883-mongush-shagaa.html> (дата обращения: 09.02.2015).

Дата поступления: 10.02.2015 г.

RITUAL CEREMONIAL SPECTACLES OF SHAGAA

A. A. Kongu

Abstract: Article describes ritual ceremonial spectacles during Shagaa – greeting of a New Year by Eastern lunar calendar. It describes such festivities like «aryglanyr» – catharsis, «san salyr» – kindling of ritual bonfire, «choluksuur» – special greeting during Shagaa and the rules of presenting the «kadak» – a band of silk ritual tissue, etc.

Keywords: Tuvans, Shagaa, ceremonies, traditions, rituals, Tuvan traditions.